

— Больше этого не повто... ай! — Он больно прикусил язык.

Проклятый Сукуна! Надо же было так подло ущипнуть его именно тогда, когда он открыл рот!

Зажав зубами саднящий кончик языка, Харе гневно воззрился на обидчика. Ему хотелось съязвить, что следующего раза попросту не будет, ведь в новом мире он активирует заготовленную технику уничтожения. Но, встретившись с Сукуной взглядом, юноша осекся. Слова были лишними.

Сукуна знал.

Он насквозь видел его намерения.

Харе отвел глаза и уставился на тускло мерцающую воду. Легонько коснувшись носком светящейся глади, он постарался придать голосу как можно более равнодушный вид:

— В общем... спасибо. Пожалуй, теперь ты меня даже не раздражаешь.

— Ишь ты, малявка, — пророкотал довольный Сукуна. На его лице расплылась хищная, самодовольная усмешка. — Признать, что любишь меня, настолько тяжело?

«Что?!»

Да с чего он это взял?!

Щеки Харе мгновенно вспыхнули. Упрямо мотнув головой, он поспешил возразить:

— Забудь, я оговорился! Терпеть тебя не могу!

Сукуна лишь залился еще более громким, раскатистым смехом. Его низкий, бархатистый голос прозвучал на удивление мягко и лениво:

— Да понял я, понял. И я тебя люблю.

Харе опешил.

— Ты... да ты... — Он прижал ладонь к бешено заколотившемуся сердцу. Столь сокрушительный удар наотмашь лишил его дара речи. Юноша уставился на проклятие широко распахнутыми, как у испуганного зверька, небесно-голубыми глазами. Вдруг к горлу подкатил ком, а в уголках глаз предательски закипели слезы.

Впервые в жизни кто-то признался ему в любви.

И этим кем-то оказался самый жестокий, беспощадный Король проклятий из древних легенд.

Черт... глаза нещадно щипало.

Ну и мерзавец!

Лишь спустя долгие секунды Харе сумел выдавить из себя обиженное:

— Это... это нечестный прием!

В ответ раздался лишь еще более довольный и громкий хохот.

Сильные пальцы Сукуны легли на его плечи, мягко подталкивая к усохшему дереву.

— Ступай. Ищи свой Юг. А я найду тебя.

Влажный речной туман коснулся лица. Харе качнулся вперед, увлеченный легким толчком. Вспыхнувший перед глазами ослепительно-белый свет поглотил все вокруг. За мгновение до того, как зажмуриться, юноша попытался обернуться, чтобы напоследок запечатлеть в памяти образ Сукуны, но сияние было слишком ярким.

Пришло чувство невесомости. Харе плавно падал в пустоту, кружась, словно сорванный ветром лепесток белой весенней сливы.

И посреди этого бесконечного падения на него вдруг снизошло озарение. Он наконец постиг истинный смысл слов Короля проклятий.

«Ты — мой Юг и мой Север.

Мой маяк на исходе тысячи лет.

И путь мой лежит только к тебе».

Ну что за невозможный человек...

Харе сжался в комочек. Грудь затопило мягкое, ласковое тепло.

Было так хорошо, будто он снова стал младенцем, оставленным в темном переулке, на которого вдруг упал первый весенний луч солнца.

Эта тихая, сокрытая в глубине души нежность грозила без остатка растворить его...

Покрытое цветами засохшее дерево дрогнуло, расплываясь в Расщелине времени, словно круги на воде. Сукуна молча смотрел ему вслед. Спустя минуту он размял плечи, призвал из врожденной территории три иссохших пальца вместе с собственным Мумифицированным телом будды и не торопясь проглотил их.

— Похоже, Ураумэ справился на отлично и снял печати с пальцев в прошлом мире, как я и велел. Самое время.

С тех пор как тысячу лет назад его истинное «я» повстречало Харе, каждый из двадцати оторванных пальцев хранил в себе крупички памяти. Разделенные по разным мирам осколки души позволяли ему чувствовать направление. Эти три пальца он забрал мимоходом, когда они вместе с Харе разносили в щепки Токийскую техническую школу магии. Мумифицированное тело будды хранилось у Тэнгэн, и Сукуна решил прихватить и его, раз уж представился случай.

Вернуть былую мощь было первостепенной задачей.

Все остальные осколки силы ждали его там, куда только что отправился юноша.

Сукуна лениво потянулся. Под кожей перекатились литые, бугристые мышцы, дышащие первобытной, грозной силой.

На губах все еще горел влажный след от недавних поцелуев Харе. Король проклятий оскалился в предвкушении:

— Что ж, пора немного разомнуться.

Площадь у вокзала Токио

У раскинувшегося перед изящным краснокирпичным зданием вокзала Токио, на самой обочине оживленной улицы, стоял Харе. Он укрылся в тени раскидистого клена, ствол которого был обмотан мерцающей гирляндой, и терпеливо ждал.

После перехода в этот мир он переоделся в свободную молочно-белую толстовку и темно-серые брюки. Пушистые белые волосы с мягким градиентом забавно топорщились, делая его похожим на взъерошенного котенка. Он выглядел опрятно, ухоженно и до невозможного хрупко — словно облачко сладкой ваты.

Из-за незаживающих ран юноше пришлось тщательно, от кончиков пальцев до самой шеи,

замотаться в бинты. Необычные глаза, способные выдать его с головой, он тоже предусмотрительно скрыл под плотной повязкой из белой марли.

Оказавшись здесь, Харе первым же делом сверился с часами и календарем. До начала Ночного парада сотни демонов оставался ровно месяц — Оккоцу Юта только-только поступил в Техническую школу магии.

Ни его темная ипостась, ни он сам никогда не знали родительского тепла. Мечтая хотя бы отчасти восполнить этот пробел, Харе твердо решил провести оставшиеся тридцать дней как самый обычный подросток.

А чтобы подобраться поближе к отцу, не было пути лучше, чем стать учеником Токийской технической школы магии.

В отличие от своего прошлого визита, юноша не стал заявляться на порог без приглашения. Вместо этого он зарегистрировался на официальном портале магов под своим настоящим именем и подал стандартное прошение о зачислении.

Харе не знал, сколько времени займет проверка документов. В его родном мире руководство школы сперва отправляло вспомогательного куратора для подтверждения личности кандидата.

Однако здесь все решилось на удивление быстро. Минуя всякие собеседования, его кандидатуру утвердили буквально за пару часов, а вскоре на телефон пришло уведомление о том, что за ним выслан сопровождающий.

С момента подачи заявки прошло от силы полдня. Опустились сумерки. Клен по соседству приветливо мигал разноцветными огоньками, чье мягкое свечение без труда пробивалось сквозь неплотную ткань повязки.

С приближением стрелки часов к семи вечера Харе волновался все сильнее. Ведь сопровождающим, как выяснилось буквально пятнадцать минут назад, назначили самого Годжо Сатору!

— Фух... — Харе глубоко вдохнул прохладный ночной воздух и медленно выдохнул.

Забинтованные пальцы нервно сжали край просторного рукава. Вдруг пестрый полумрак, отбрасываемый гирляндой, перекрыли несколько длинных силуэтов.

— А вот и наш потеряшка! — раздался до боли знакомый, жизнерадостный голос.

Сердце Харе пропустило удар. Он порывисто обернулся на звук и сквозь прорези в марле разглядел очертания темно-фиолетовой куртки.

Задрав голову, он столкнулся взглядом с невероятно красивым лицом Сатору. По забавному стечению обстоятельств глаза мужчины тоже скрывала повязка из белоснежного бинта.

В отличие от юношеских лет, теперь мягкие пепельные пряди Сатору были взбудоражены повязкой и дерзко торчали вверх. Волосы у основания шеи были выбриты совсем коротко — аккуратный белый ежик наверняка колот бы пальцы, решишь Харе к нему прикоснуться.

Двадцатисемилетний Годжо возмужал: плечи стали заметно шире, да и ростом он, кажется, превосходил прежнего себя. Каждое движение этого сильного тела дышало уверенностью и неоспоримой, чисто мужской притягательностью.

Харе едва доставал Сатору до плеча. С этого ракурса ему бросились в глаза несколько непослушных белых прядок, спадавших на воротник куртки — точь-в-точь как в тех смутных образах из младенчества, что чудом сохранились в его памяти.

— Господин Годжо... — с трудом сдерживая слезы, тихо поздоровался Харе и, раскинув руки, шагнул вперед для объятия.

Ему безумно хотелось обнять отца еще во время их первой встречи в прошлом, но тогда несносный подросток-Сатору безжалостно отгородился от него барьером Безграничности.

Харе приготовился наткнуться на неощутимую преграду, но упрямо шел до конца.

И вдруг... пустоты не оказалось. Юноша уткнулся в теплую, широкую грудь. Ноздрей коснулся свежий древесный аромат, смешанный с едва уловимым, приторно-сладким запахом конфет — излюбленным парфюмом Сатору. Харе оцепенел.

«Как?..»

От изумления он даже забыл, что нужно изобразить безразличие.

— Ха-ха, видали? Я определенно лучший учитель на свете! Надо срочно запечатлеть этот триумф и скинуть Яге!

Довольно напевая под нос, он ловким движением выхватил из кармана телефон и принялся со всех ракурсов щелкать затвором камеры.

Яркая вспышка заставила Харе зажмуриться под повязкой. Смутившись, он поспешно отстранился и тут же заметил, как из-за плеча Сатору высунулись еще три любопытные физиономии.

Юта, Маки и Тогэ только что вернулись с задания. На лицах ребят красовались свежие

ссадины, а школьная форма была припорошена пылью и местами порвана. Впрочем, поношенный вид их ничуть не заботил — все внимание первокурсников было приковано к новому товарищу.

— Ну и бесстыдник, — фыркнула Маки, неодобрительно качая головой, но взгляд ее лучился неприкрытым любопытством. Она принялась придирчиво разглядывать Харе. Вдруг в ее глазах вспыхнуло озарение. Округлив их от изумления, девушка резко повернулась к Сатору. Ее одноклассники, словно по команде, сделали то же самое.

— Учитель... — Юта, бережно прижимавший к груди обмотанную тканью катану, робко озвучил свою догадку: — Этот парень... ваш сын?!

— Да сто процентов! — Маки поправила очки, одарив Сатору всезнающим взглядом. — Слишком уж вы похожи!

— Хотя постойте... — Девушка нахмурилась, сопоставляя факты. — Наш придурковатый сенсей не женат, да и кольца никогда не носил. Неужели...

Она победно указала пальцем на Харе:

— Он внебрачный!

— Ого! — выдохнул пораженный Юта. Ему почему-то показалось невероятно крутым, что у их наставника уже есть такой взрослый сын.

Тогэ, чья шевелюра отливала точно таким же серебристо-белым цветом, согласно закивал:

— Лосось, лосось!

— Да неужели? Прямо одно лицо? — Сатору довольно протянул последнее слово. В его голосе сквозило неприкрытое бахвальство. С сияющей улыбкой он перевел взгляд на юношу.

Оказавшись под прицелом стольких глаз, Харе смутился. Ребята попали не в бровь, а в глаз, и это лишило его прежней уверенности. Он ведь так долго репетировал эту встречу, твердо решив сохранить тайну своего происхождения. Что теперь отвечать — бог весть.

К тому же Сатору не сводил с него внимательного, изучающего взгляда.

С тем шестнадцатилетним, бесшабашным отцом он бы еще совладал — его обвести вокруг пальца было делом нехитрым. Но этот, взрослый двадцатисемилетний Годжо, внушал ему невольный трепет. Собрав остатки мужества, Харе выдавил деревянное:

— Нет... Вы ошибаетесь.

Заметив легкую заминку, Сатору тут же непринужденно сменил тему:

— Ладно-ладно, шутки в сторону! Харе, представься ребятам.

В заявлении юноша указал лишь имя. Годжо произнес его так тепло и по-домашнему, будто Харе был его собственным сыном, которого он вырастил с пеленок.

От этого звука в груди у Харе сладко заныло. Точно так же отец звал его на старых видеозаписях, которые мальчику удавалось раздобыть. Перед ним стоял именно тот папа, по которому он так отчаянно тосковал все эти годы.

Послушно кивнув, юноша обратился к ребятам:

— Здравствуйте... э-э... старшие. Меня зовут Ге...

Как и при их первой встрече, он едва не ляпнул фамилию отца, но вовремя прикусил язык.

— Просто Харе. Рад знакомству.

— Ну что ты, какие мы старшие, — смущенно замахал руками Юта. — Мы ведь на одном курсе. Зови меня просто Ютой.

Маки и Тогэ тоже представились. Разглядывая нового ученика, который внешне походил на Годжо, но вел себя на удивление скромно и вежливо, девушка покачала головой:

— Слушай, ты слишком уж пайнька. Как старший товарищ предупреждаю: держи ухо востро с этим типом в повязке. Будешь во всем его слушаться — замучает дурацкими розыгрышами!

Тогэ для убедительности скрестил руки перед грудью:

— Икра!

— О-о, я тронут вашей заботой, — Сатору картинно прижал ладонь к сердцу, а затем небрежно засунул руки в карманы и ухмыльнулся: — Но лезть вам не поможет. Завтра на тренировке по физподготовке устройте парный спарринг со мной.

Троица утомленных после миссии первокурсников дружно взывала:

— Да за что?!

Наблюдая за их шутилкой перепалкой, Харе невольно залюбовался Сатору. Губы сами собой расплылись в улыбке.

Такого отца — заботливого, пускай и немного сумасбродного наставника — он еще не знал. Оказалось, взросление поумерило юношеский эгоцентризм Годжо, превратив его в надежную опору для своих учеников.

Стылый ноябрьский ветер пробирал до костей. Харе зябко поправил воротник толстовки, пряча в него подбородок.

Сатору тут же уловил это движение и тепло рассмеялся:

— Ну что, молодежь, как насчет тарелочки горячего рамена за мой счет? М?

— О да! Я готов слона съесть! — оживилась Маки.

Мысли о еде мигом выветрили из голов ребят всю усталость. Маки панибратски ухватила Харе за рукав и потащила за собой, попутно вещая экспертным тоном:

— Поверь мне, у нашего сенсея потрясающий нюх на первоклассные забегаловки! Раз уж он платит, оторвемся по полной!

Высокий, статный мужчина намеренно отстал на пару шагов, увлеченно листая свежие снимки в галерее телефона. Выбрав самый удачный кадр, он тут же переслал его контакту, закрепленному в самом верху списка диалогов.

И добавил короткую приписку:

«Встретил~»

<http://bllate.org/book/19043/2005273>